

Дорогие мои старики

*Саре Соломоновне
m-lle Хасилевой
В м. Калюс Подольской
губ.*

Милая Сонюша! Только что благополучно прибыл в Харьков, чувствую себя прекрасно. Крайне сожалю, что я лично лишен удовольствия поздравить тебя с днем рождения. А потому мысленно желаю тебе истинного счастья и долголетия. Любящий тебя Давид. Приветствую всех.

Харьков. 14.IV.1903 г.

Автор этой открытки, написанной изящным каллиграфическим почерком, — двадцатидвухлетний Давид Гаузнер, который адресовал ее своей невесте. На одной из сохранившихся его фотографий того времени — молодой человек в двубортном сюртуке с двумя рядами пуговиц; средняя расстегнута, что позволяет вставить внутрь кисть руки, от которой видна только белая манжета. Твердый стоячий воротничок охвачен темным шейным платком, выступающая часть которого закреплена заколкой со светлым камнем. Красивое лицо с правильными чертами, зачесанные назад гладкие темные волосы, густые черные брови и такого же цвета большие усы.

Мой будущий дед смотрит прямо на меня. Он легко узнаваем, хотя в моей памяти и на сохранившихся поздних фото его волосы совершенно белые, усы неопределенного цвета, прокуренные, а вот брови — такие же, черные и густые.

На другом фото — высокая молодая женщина в полный рост. Она стоит рядом с задрапированным тяжелой портьерой столиком, видна его гнутая резная ножка в виде фигурки со скрещенными на груди руками. На женщине длинное, до пола, белое платье, расшитое темными цветами, на высоком воротнике и подоле — темные аппликации.

Густые черные волосы расчесаны на пробор. С шеи на грудь свисают на цепочке круглые часы. Теперь они принадлежат моей дочери — были

подарены ей на двадцатилетие; их открывающаяся крышка, покрытая переливающейся синей эмалью, памятна мне с детства. На меня смотрит моя будущая бабушка, которой тогда тоже было двадцать лет.

Обе фотографии на плотном тисненном паспорту прекрасно сохранились. Они выполнены в июле 1903 года, незадолго до свадьбы.

К сожалению, старых семейных реликвий сохранилось немного — несколько открыток, фотографии обоих прадедов, прабабушек и те две, описанные выше. Пара дедовских подстаканников с гордо плывущими лебедями (один из них я передал в музей) — непонятно, как удалось их сохранить

в череде сложных и драматических событий, которых было немало.

На полке моего книжного шкафа стоят часы в деревянном корпусе, но им лет на пятьдесят меньше. В верхнем углу корпуса табличка с монограммой "Дорогим юбилярам от потомков двух поколений. 27.XI.1953 г.". Этот текст я, первокурсник, сочинил к золотой свадьбе деда и бабушки. Часы прекрасно идут, я более пятидесяти лет с удовольствием их два раза в месяц завожу.

У деда и бабушки было трое детей. Младшая, Танечка, умерла в 1919 г., десятилетней, то ли от тифа, то ли от скарлатины — время было такое, что умирали и от более легких хворей. Старший сын Юзя ушел в сорок первом на фронт и, не успев написать ни одного письма, погиб. Средний сын, мой отец Яков Давидович, дожил до 79 лет, был крупным инженером и организатором производства.

Дед и бабушка жили вместе с нами все годы — в Одессе, в эвакуации, и после возвращения — снова в Одессе. Все мое детство, юность и первые молодые годы прошли рядом с моими любимыми стариками, о которых мой рассказ.

После свадьбы дед и бабушка поселились в Могилеве-Подольском, где дед держал мануфактурный магазин. В начале двадцатых годов они, как-то уцелев в смутное время гражданской войны, перебрались в Одессу.

Дед познакомился и подружился с недоучившимся студентом-медиком Алексеем Николаевичем Азаровым, "вычищенным" из мединститута за непролетарское происхождение. Азаров был разносторонне способным человеком. Он придумал и сделал полуавтоматическое устройство для изготовления особых долгоиграющих (как говорили тогда — "многократных") патефонных иголок, которые до затупления служили в несколько раз дольше обычных. Дед работал в качестве слесаря и как бывший коммерсант организовывал сбыт продукции. От утонченной внешности молодого человека с фотографии вскоре не осталось и следа — приходилось выживать и приспосабливаться к реальным условиям жизни.

Как-то к деду от имени могилевских знакомых обратился приехавший оттуда молодой человек по имени Григорий Пильдиш. Впоследствии и дед, и отец говорили, что он вполне мог бы стать одним из прототипов Остапа Бендера. Впервые появился он утром, когда дед уже ушел на работу, а отец собирался на занятия в техникум. Поинтересовавшись, где отец учится, Григорий сказал, что ему это, пожалуй, подойдет.

В техникуме ему удалось получить адрес директора. Явившись туда, когда директор завтракал, Григорий заявил, что он готов разделить с ним трапезу, а потом обсудить вопросы, безусловно интересующие директора. После занятий мой изумленный отец узнал, что Гриша зачислен студентом — в середине учебного года и, скорее всего, без необходимых документов. Чем взял Гриша директора, осталось неизвестным.

Когда в техникуме состоялось общее собрание, Гриша выступил с речью и так покорила аудиторию, что был избран председателем учкома. С тех пор он совершенно не отягощал себя посещением занятий и полностью сосредоточился на общественной деятельности. Неизвестно, чем она закончилась бы для студентов и преподавателей (а ведь тогда именно студенты решали, оставлять ли преподавателей на работе), но вскоре Гриша перестал появляться и в техникуме, и в семье деда.

Через некоторое время на Дерибасовской отец встретил Гришу, ведущего под руки двух расфуфыренных девиц. Увидев отца, он радостно воскликнул: "Яша!" — и широко раскинул для объятий руки. Девушки при этом разлетелись в разные стороны, и об их существовании Гриша больше не вспоминал. Он пригласил отца и его друзей в "Гамбринус", не желая слушать их робкие отговорки насчет отсутствия времени (а в действительности — денег). По дороге на вопрос "чем занимаешься?" он ответил, что организовал и возглавил профсоюз трубочистов, предъявив в качестве доказательства массивный золотой портсигар с выгравированной надписью: "Дорогому председателю от благодарных трубочистов". Друзья отца смотрели на него и слушали, разинув рты.

В "Гамбринусе" Гриша делал заказы на всю компанию, пока не кончились деньги. После этого он предложил отцу и еще одному из участников гулянки ненадолго отлучиться с ним "по делу". Была уже ночь. Они вошли в парадное какого-то дома (кажется, на Соборной площади). Гриша оставил их на междуэтажной площадке, поднялся и позвонил в дверь одной из квартир.

После нескольких настойчивых звонков дверь открылась, и отец с другом услышали примерно такой разговор: "Григорий Ефимович, это Вы? Что случилось? Ведь уже ночь!" — "Ситуация не терпит отлагательств. Завтра финотдел нагрянет к Вам с проверкой. Есть мнение: все конфисковать, дело закрыть, а Вас посадить. Если утром не решить вопрос (ну, Вы понимаете), то потом я уже ничего не смогу сделать", — "Григорий Ефимович, Вы мой благодетель. Сколько нужно дать?" Дальше следовали реплики вроде: "Ну, не знаю, не знаю... Вы сами должны понимать... Может быть, и хватит, но не гарантирую... Решайте сами...". Потом за дверью зазвучал встревоженный женский голос, и нэпман громким шепотом сказал: "Розочка, солнышко, это наш спаситель Григорий Ефимович. Быстренько принеси деньги. Какое счастье, что у нас есть такой человек!".

Когда Гриша с довольным видом спустился к друзьям, отец осторожно спросил: "Значит, ты сейчас работаешь в финотделе?". Гриша рассмеялся: "Яня, не забывай себе голову глупостями. Я похож на счетовода? Пошли, будем продолжать".

Из его веселых розыгрышей отец запомнил спор о чае. Гриша поспорил на приличную сумму, что выпьет подряд десять стаканов чаю с лимоном. Ударили по рукам. Попросив у буфетчика пустой чайный стакан и несколько лимонов, Гриша выбрал из них один, плотно входивший в стакан так, что над ним почти не оставалось места. Потом налил до вер-

ха стакана чай и выпил, сделав это десять раз. В ответ на возмущение поспоривших сказал: "Разве я нарушил условие спора? Ведь действительно были 10 стаканов чаю с лимоном!". Формально он был прав.

Время от времени Гриша неожиданно появлялся в квартире деда, шокируя его и бабушку необычными историями из своей жизни. Однажды он рассказал, что стал уполномоченным по подписке на газеты одного из московских издательств. Из его недоговорок было ясно, что значительная часть полученных денег (если не все) оседает в Гришиных карманах. При следующем посещении он сказал, что "одесский климат стал ему вреден", и он уезжает. На вопрос деда "куда?" он ответил запомнившейся отцу фразой: "Давид Иосифович, на мой век дураков хватит".

Потом к деду приходили из "органов" и спрашивали о Грише и его возможном местопребывании, о котором дед действительно не знал. Говорили, что Гриша объявлен во всесоюзный розыск.

Через несколько лет общий знакомый рассказал деду, что встретил Гришу в небольшом городке вроде Умани, где тот работал... замначальника уголовного розыска — естественно, под другой фамилией. Разве не похож этот человек своей оборотистостью, авантюризмом, актерскими способностями и умением убеждать на "великого комбинатора"?

В начале тридцатых годов началась кампания конфискации золота и драгоценностей у "нетрудовых элементов", названная одесситами "золотухой". Деду вспомнили его буржуазное прошлое (видимо, кто-то "наступал"). Пришли с обыском, перевернули все вверх дном, ничего не нашли, но деда арестовали и пообещали держать в тюрьме до тех пор, пока он не сдаст золото и драгоценности, накопленные нетрудовым путем и так необходимые советскому государству.

Моя мама, незадолго до этого вошедшая в семью Гаузнеров, пошла к следователю и предложила себя в качестве заложницы вместо свекра, больного "грудной жабой" (так тогда называли стенокардию, которой страдал дед). Она будет сидеть, а в квартире пусть ищут как хотят, хоть полы вскрывают — она уверена, что ценностей нет. Видимо, на следователя произвела впечатление молодая, очень красивая и решительная женщина, и деда, продержав в тюрьме какое-то время, отпустили.

Интересна история о том, как мой дед чуть не стал миллионером. За пару лет до войны его неожиданно вызвали в НКВД, которое одесские острословы по аналогии с Госстрахом (страховым обществом) называли Госужас. Вполне понятно, что у деда эта организация вызывала именно такие ассоциации.

Однако опасения оказались напрасными. Ему объявили, что во Франции умер его дальний родственник — миллионер, не имевший наследников, завещавший разыскать в России своих родственников и передать им его состояние: завод, виллу, солидный счет в банке. Нашли нескольких Гаузнеров, и среди них в Одессе — деда.

В то время наличие родственников за границей было чревато большими неприятностями. Естественно, дед стал отказываться и от родства, и от наследства. Ему популярно и доходчиво объяснили, что отказываться не следует, но после того как деньги поступят в нашу страну, он сможет передать их детскому дому или на другие нужды государства. Пришлось деду писать и оформлять официальные бумаги, заверять их, оплачивать пошлину и т. д. При этом он продолжал бояться — жизненный опыт подтверждал, что для этого есть основания.

Оформление затянулось, началась война, и "компетентным органам" стало не до деда, а ему — не до наследственных дел. Но через пару лет после войны деда нашли в Свердловске, где он вместе с моим отцом работал на военном заводе, и все повторилось — дед пытался отказываться, потом оформлял, заверял, платил.

В 1949 г. семья переехала из Свердловска в Одессу и появилась надежда, что деда потеряли. Но не тут то было — через пару лет деда опять нашли, и все пошло по третьему разу. Наконец, в один прекрасный день дед пришел из НКВД домой, и на его лице отражалась смесь облегчения с разочарованием. Он объявил, что наследство получено, и предложил угадать его величину. Это не удалось никому.

Оказалось, что за годы войны и послевоенной разрухи наследство превратилось в ничто — завод и вилла были разрушены, деньги на счете дважды подверглись девальвации, а оформление наследства во Франции влетело в большую сумму. Короче говоря, суммарные затраты деда на трехразовое оформление значительно превысили какую-то смешную сумму, им полученную. Во всяком случае, в детский дом передавать ее было неудобно. С тех пор деда долго называли "миллионером".

После возвращения в Одессу дед вновь встретился с А.Н. Азаровым, они восстановили установку и возобновили производство (а дед — еще и сбыт) многократных патефонных иголок. Деду к тому времени было 68 лет, работать было нелегко. По характеру и из-за развившегося ухудшения слуха он был немногословен. Очень любил читать. Раз в неделю, в пятницу, приносил из библиотеки (почему-то в авоське — были такие плетенные из ниток корзинки, которые можно было носить в кармане) не-

сколько книг. Руки его пахли керосином. Отфыркиваясь, он умывался на кухне, на полу образовывалась лужа (ванной пользовался только по выходным, и переубедить его не удавалось), обедал и ложился на свою кушетку читать.

В общих разговорах дед обычно участия не принимал, а если встревал, то коротко и афористично. Когда при нем пожалели общего знакомого, которому изменяет красавица жена, дед оторвался от чтения очередной книги и без улыбки сказал: "В хорошем деле хорошо иметь и пятьдесят процентов".

Все, что бабушка готовила, дед ел с удовольствием, после чего говорил: "Спасибо, Сонюша", — и целовал ей руку. Но были два продукта, которые дед не употреблял и незаметно отодвигал от себя, если они оказывались рядом с ним где-нибудь за общим столом, — горчица и голландский сыр. Однажды я пристал к нему и стал настойчиво спрашивать, чем вызвана такая неприязнь. Дед ответил: "Я удивляюсь твоему вопросу. Ее — за вид, его — за запах".

Я очень любил разговаривать с ним "за жизнь". Юности свойственно желание поскорее завершить теперешний этап и приступить к следующему, более интересному. Как-то я эмоционально излил ему очередное свое нетерпение: "Скорей бы уже...". Он усадил меня рядом и сказал: "Мишенька, не надо спешить жить. Жизнь — это путь через гору. Сначала карабкаешься вверх, и хочется поскорее преодолеть подъем. Постепенно путь становится более пологим, а затем — ровным, ты уже не спешишь и думаешь, что это надолго. Незаметно начинается уклон, которого ты вначале не замечаешь. Потом уклон увеличивается, ты невольно все больше и больше ускоряешь шаг. Пытаешься притормозить — не получается, ноги сами несут тебя вниз. А потом — обрыв... Так что не спеши, радуйся жизни".

Все члены нашей семьи работали, а бабушка, как говорили тогда, вела дом. Она была спокойной, выдержанной. Не помню, чтобы когда-нибудь повысила голос, проявила раздражение или недружелюбие. Людей видела, как говорят, насквозь. Бывало, ко мне приходил новый знакомый, с которым бабушка, впустив его, могла обменяться несколькими незначительными фразами. После его ухода она давала этому человеку характеристику, настолько близкую к истине, что я поражался.

Каждая вещь была у нее на предназначенном ей месте, все делалось четко, рационально, неторопливо. Иногда она по чьему-то адресу позволяла себе высказывание: "Беспорядок в жизни", — это была максимально возможная для нее степень осуждения.

Спешка и суетливость были для нее неприемлемыми. Однажды мы с женой торопились в театр. Я примчался с работы, быстро умылся и переоделся, на еду уже времени не оставалось, и мы побежали, рискуя опоздать. На следующий день бабушка расспросила нас о спектакле, задавала несколько вопросов, а потом сказала: "Честно говоря, не понимаю, как вы смогли воспринимать спектакль, едва переведя дух уже в зрительном зале. Мы посещали театр довольно редко, но этот день строился по-особому. Дедушка приходил с работы днем, обедал и больше туда не возвращался, отдыхал. Выходили из дома задолго до начала спектакля (а жили они в полутора кварталах от театра), брали извозчика и медленно ехали по Пушкинской до вокзала и обратно. Смотрели на людей, на витрины, потом не спеша гуляли по фойе театра, раскланивались со знакомыми. Понимаете, мы настраивались на восприятие спектакля, на получение удовольствия. А как вы, не переключившись... непонятно".

Ей действительно многое в нашей жизни было непонятно, но она, как правило, не позволяла себе вмешиваться, и тем более — навязывать свое мнение. Услышав, как я непрошено и по молодости чересчур настойчиво пытаюсь переубедить кого-то из товарищей, она потом сказала мне наедине: "Не пытайся надеть свою голову на шею другого человека — она ему не подойдет, а ты можешь остаться без головы". Преувеличение, но как образно!

Обычно бабушка готовила простые блюда, но по праздничным дням на столе обязательно появлялись традиционные кушанья — фаршированная рыба, цимес, кисло-сладкое жаркое, куриная шейка. Коронным блюдом бабушки были вертуты из так называемого вытяжного теста, кусочек которого величиной чуть больше крупного абрикоса она умудрялась растягивать на большом старинном столе так, что через него был виден свет лампы (я специально экспериментировал). Когда лист теста занимал всю поверхность стола, он разрезался на полосы, в которые заворачивались (отсюда название) разные начинки: мясо, творог с изюмом, яблоки, крутые яйца с зеленым луком. Тончайших слоев теста было не менее 10-12, вкус необыкновенный. Даже в те времена, когда еще были живы старые хозяйки, сохранившие традиции одесской кухни, это бабушкино произведение было единственным в своем роде. Если теперь в витрине магазина я вижу под названием "вертута" кусок пирога из теста, в пару толстых слоев которого что-то завернуто, я вспоминаю бабушку и ее кулинарный шедевр.

Когда бабушке исполнилось 82 года, мы отметили ее день рождения. Деда и большинства ее сверстников уже не было в живых, но более моло-

дые родственники и наши друзья собрались, чтобы ее поздравить. Я отчетливо помню, как она вышла к гостям: черное платье в белый горошек, белый отложной воротник, гладкие волосы стянуты сзади, прямая спина, прекрасная осанка. Села во главе стола, благожелательно и живо реагировала на тосты в ее честь. Потом попросила меня налить рюмочку ее любимого вермута, встала и спокойно сказала: "Дорогие, я очень благодарна вам за пожелания, особенно потому, что это уже в последний раз". Все замерли, а я не выдержал: "Бабушка, да что ты такое говоришь?". Она невозмутимо ответила: "Мишенька! Моя мама, тетя, старший брат прожили около 83 лет. Мы, Хаселевы, живем только до этого возраста". Это было в конце апреля, а в сентябре она умерла, проболев недолго.

Становясь старше, я все чаще вспоминаю деда и бабушку, их добрые лица и заботливые поступки, образные сравнения и мудрые высказывания. Этими строками я в меру своих сил постарался рассказать об этих хороших людях — моих дорогих стариках.

